

Алиса Евстигнеева

По ту сторону от тебя

Евстигнеева А.

Е26 По ту сторону от тебя / Алиса Евстигнеева. – М.: Литнет, 2026. – 206 с.

ISBN 978-5-524-00256-3

Одна случайная встреча. Одна случайная ночь. Или не случайная?
И какие секреты таит в себе прекрасный незнакомец?

История о предательстве, ошибках прошлого и неожиданной любви.

– Не это хотел сказать, – заговорил Глеб быстро. – Просто постан-
райся взглянуть на ситуацию под другим углом.

Я не выдержала и захохотала, правда, ни разу не весело.

– Серьёзно? Под другим углом?

Он рвано выдохнул и прикусил нижнюю губу, чтобы вновь не смо-
розить лишнего.

– Кир...

– Нет, это ты меня послушай, – собрав себя в кулак, проговорила
я жёстко. – На самом деле есть лишь один вопрос, который расставит
всё на свои места.

Новгородцев напрягся – скулы, покрытые дневной щетиной, стали
острее, наверное, уже догадываясь, что ждёт его впереди.

– Выбирай, – потребовала безапелляционно. – Выбирай, либо она,
либо я.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00256-3

© Литнет, 2026

© Евстигнеева А., 2026

Пролог

– Успокойся, – сквозь зубы процедил Глеб, краем глаза наблюдая за тем, как я тщетно пытаюсь совладать с эмоциями.

Отвечать как-либо на его требовательный тон я не стала, лишь треснула от досады по дверце. Будь моя воля, из машины я бы десантировалась прямо так – на полном ходу, но предусмотрительный Новгородцев успел заблокировать замки раньше, чем мне приспичило рваться наружу. Салон авто теперь казался тесной и душной ловушкой, словно в один момент из него удалили весь воздух.

– Останови! – приказала, вновь двинув кулаком по стеклу. – Останови! Новгородцев сделал вид, что не слышит, но костяшки его пальцев побелели – так сильно вцепился в руль, видимо, чтобы случайно не сорваться и не сомкнуть их на моей шее.

– Останови, выпусти! – повторяла как заведённая, глотая горькие слёзы, которые неудержимо катились по моим щекам.

Глупо. Как же это глупо. Умом я всё понимала. Ну подумаешь, какая ерунда: вытерпеть его компанию ещё с полчаса. А потом спокойно выйти из машины и удалиться в неизвестном направлении. В конце концов, никто бы не стал удерживать меня насильно. Однако боль внутри была настолько острой, беспощадной, что казалось – ещё чуть-чуть, и я попросту умру. А какой-нибудь шибко умный врач в своих бумагах напишет неровным почерком: «сердце пациентки остановилось вследствие душевных травм, несовместимых с жизнью». Или от этого не умирают? И мне поставят банальный инфаркт на фоне стресса.

Короче, мыслей в голове было много, а понимания, что с ними делать, – ни на йоту. И красной нитью через весь этот сумбур: «Ты должна уйти, иначе...». Что «иначе», я тоже так и не решила, окончательно отчаявшись и скатившись в некрасивую бабскую истерику. Жалобно шмыгнула носом и, устав бить по стеклу, не придумала

ничего лучше, чем вцепиться в крепкое мужское плечо, потянув его на себя. От неожиданности Глеб крутанул руль вбок, едва не влетев в заграждение, тянувшееся вдоль трассы. Успев затормозить в самый последний момент, он отбросил мою руку и с чувством выматерился.

— Кира! Ты совсем сдурела?!

Обидно не было. Было никак. Я даже плакать перестала, вскинув на него свои опухшие глаза, то ли с гордостью, то ли с презрением.

— Успокойся, пожалуйста, — почти взмолился Новгородцев, — успокойся, и мы поговорим, просто поговорим как два цивилизованных человека.

— Мне не о чем с тобой разговаривать.

— Да... блин! — не выдержал он и, похоже, взяв с меня пример, от души двинул по рулю. Бедный лексус огребал сегодня от нас обоих. — Послушай!

— сделал над собой огромное усилие, чтобы сохранить хоть какое-то подобие спокойствия. — Понимаю, что ты в шоке, что ты расстроена... Но, пойми, это всё... — устало потёр шею, подбирая нужное слово, — недоразумение. Я не планировал, что всё запутается настолько... Просто ты мне понравилась, и всё закрутилось слишком быстро. Наверное, стоило тебе сразу сказать, но тогда, в моменте, это казалось... каким-то неуместным. Мне действительно очень жаль, что тебе пришлось всё это пережить... но постарайся быть взрослой...

— Что?!

— Не... я не это хотел сказать, — Глеб заговорил ещё быстрее. — Просто... просто постарайся взглянуть на ситуацию под другим углом.

Вот здесь я уже не выдержала и захохотала, правда, ни разу не весело.

— Серьёзно? Под другим углом?

Он рвано выдохнул и прикусил нижнюю губу, видимо, чтобы вновь не сморозить лишнего.

– Кир...

– Нет, это ты меня послушай, – собрав себя в кулак, проговорила я жёстко.

– На самом деле есть лишь один вопрос, который расставит всё на свои места.

Новгородцев напрягся – скулы, покрытые дневной щетиной, стали острее, – наверное, уже догадываясь, что ждёт его впереди.

– Выбирай, – потребовала безапелляционно. – Выбирай, либо она, либо я.

Глеб на мгновение прикрыл свои глаза, пряча боль, плескавшуюся на дне серо-голубой бездны, после чего резко распахнул веки, выдохнув:

– Кир, я не могу.

– Понятно, – заключила без всяких эмоций, отворачиваясь от собеседника. Это были последние слова, которые я смогла выдать из себя. До города мы доехали в полной тишине. И лишь выскочив из салона автомобиля, нашла в себе силы и бросила через плечо сдавленное «прощай».

Глава 1. Семья

Утро неожиданно настигло меня под крышей родительского дома. Я лежала на постели, разглядывая белоснежный потолок гостевой спальни, и размышляла о том, какая же всё-таки странная штука жизнь. На первый взгляд ничего удивительного, но вчерашнее решение остаться с ночевой вряд ли можно отнести к разряду типичных.

За те десять лет, на протяжении которых отец жил в этом доме со своей семьёй, я ни разу не оставалась здесь на ночь. Видимых препятствий для этого не было – отношения с мачехой и младшими братьями у меня сложились более чем тёплые. Однако мысль о том, что у них своя семья, а моё место где-то на периферии, – прочно прописалась в голове. В гости приезжала часто, но отсидев несколько часов за семейным столом, как подорванная начинала собираться обратно в город, несмотря на все уговоры папы и Оли задержаться подольше.

Возможно, если бы я с самого детства жила здесь, то и предрасудков в моём сознании было бы на порядок меньше. Но папа женился на Оле, когда до моего совершеннолетия оставались считанные месяцы, поэтому и в новую семью я «попала» уже будучи взрослой барышней со своими интересами и взглядами на жизнь. Если честно, поначалу мне элементарно хотелось свободы: приходить и уходить когда захочу, к чему жизнь за городом мало располагает. Именно поэтому я предпочла остаться в городской квартире, мотивируя это решение тем, что так до университета ближе.

Впрочем, на тот момент меня никто особо и не уговаривал.

Дом потихоньку наполнялся утренними звуками – криками, смехом, шумом кухонной утвари... Это настолько сильно резониро-

вало с тишиной, обычно царившей в стенах моей квартиры, что рука невольно потянулась к виску. Нет, голова не болела, но чувство внутреннего протеста давало о себе знать. Извечный вопрос: «Зачем я здесь?»

Сделав над собой усилие, выбралась из-под одеяла и поплелась в сторону ванной.

На кухне было оживлённо. Оля крутилась у плиты, колдуя над многочисленными сковородками и кастрюльками. У неё вообще был дар – успевать всё. Притом что она никогда не стремилась к роли домохозяйки, успешно совмещая карьеру и роль матери шумного семейства.

Отец сидел за столом и просматривал новостную ленту в смартфоне, параллельно шикая на сыновей – Гошку и Мишку, которые, как и полагается восьмилетним сорванцам, успевали наводить суету вокруг.

– Доброе утро, – нарочито бодро объявила я, остановившись в арочном проёме, ведущем на кухню.

Возникла вполне ощутимая пауза, словно всем потребовалось время, чтобы перестроиться под новые обстоятельства – меня. Пусть и короткая, но она неприятно царапнула. Очередное напоминание о том, что я здесь всё-таки лишняя.

– Кира проснулась, – объявила мачеха, искренне улыбнувшись. Разница в возрасте у нас с ней всего каких-то двенадцать лет, которые с каждым годом воспринимаются всё менее значимыми. Стать по-настоящему подругами у нас так и не вышло, хоть обе и честно старались сохранять дружеский паритет. – Блинчики сделать, будешь?

– Если не сложно, – пожала плечами с несвойственной мне скромностью. Отчего-то мне всегда было неловко принимать её заботу, как если бы это могло быть чем-то обременительным для нас обеих.

– Не сложно, – с лёгкостью отозвалась мачеха и тут же схватилась за миску с уже разведённым тестом. Она всегда была такой – лёгкой и подвижной, поэтому задаваться вопросом «А что же нашёл в ней отец?» не приходилось.

– Ну ты и спать! – нестройным хором выдали близнецы.

– Круто быть взрослым, – вздохнул Гошка, – в школу ходить не надо.

– Ага, – согласился с ним Мишка. – Спишь сколько хочешь, в телефоне сидишь, – печально вздохнул брат и покосился в сторону отца, который всё же отодвинул свой смартфон в сторону и показал младшим отпрыскам кулак, грозно велел:

– Ешьте. А то я вам сейчас дам и школу, и спать, и телефон.

Братья обречённо переглянулись и синхронно принялись за овсянку, над которой страдали уже не один десяток минут.

Я привычно чмокнула отца в щёку и принялась сооружать себе бутерброд из того, что нашлось на столе, поэтому не сразу заметила его обеспокоенный взгляд.

– Что? – вопросительно изогнула бровь, всеми силами делая вид, что абсолютно не понимаю его.

– Ты в порядке? – едва ли не шёпотом поинтересовался папа. Зряшная попытка конспирации, ибо Гошка с Мишкой тут же обратились в слух.

– Более чем, – отмахнулась я, с преувеличенным энтузиазмом откусив от бутерброда.

Смешно, но двадцать лет мы всеми силами игнорировали этот день календаря. Видимо, поначалу считалось, что я априори не в порядке, хотя искренне старалась доказать обратное. А потом... а потом время как-то само всё свело на нет, по крайней мере, былых эмоций во мне больше не было. До вчерашнего дня.

Горячая отцовская рука коснулась моих пальцев.

– Кира...

– Нет, правда, – поспешно выпалила я, не желая углубляться в поднятую тему, особенно при свидетелях: если Оля культурно притворялась глухой и немой, то Гошка с Мишкой уже начали нетерпеливо ёрзать на стульях, снедаемые любопытством. – Был свободный вечер, и я решила, почему бы и... да.

Родительский взгляд был пристальным и полным сомнения. Ситуацию спас Миха.

– Отбей! – велел мне брат, возвращённый на трендах Тик-тока, протягивая мне свой кулачок и явно что-то в нём сжимая.

Гошан закатил глаза, недовольный тем, что ему так и не дали узнать наверняка, о чём же там шепчутся взрослые.

Отбила, вполсилы мазнув своими костяшками по его руке. Брат довольно хмыкнул, перевернул ладонь и разжал кулак. Обычно в коротких роликах, которые массово гуляли по интернету, отбивающему доставалось что-нибудь приятное – конфетка, киндер, кольцо... Пару раз даже встречала шутки с презервативами – чего, конечно же, я ни в коем случае не ждала от восьмилетнего брата, – но и головка чеснока, смотревшая на меня с детской ладони, несколько удивила.

– Ешь, – с показной строгостью велел Мишка, а я не выдержала и засмеялась. Удовлетворившись произведённым эффектом, тот самодовольно заулыбался, даже Гошан, наблюдавший за нами, перестал строить мистера Серьёзность.

– А ну-ка, – Оля всё же решила вмешаться в происходящее за столом, – отстали от Киры и дали ей поесть. Да и сами поторапливайтесь, а то в школу опоздаете.

– На то и расчёт, – недовольно пробурчал себе под нос кто-то из близнецов, вызвав у меня очередной приступ веселья.

Всё-таки есть что-то забавное в этих «семейных утрах».

– Ты будешь сегодня в офисе? – голос отца раздался за спиной, когда я уже собиралась сесть в машину. Резко обернувшись, испугавшись не столько его неожиданного появления, сколько возможной перспективы возобновления нежелательного разговора.

– У меня в первой половине дня встреча с потенциальным поставщиком, но если нужно...

– Не нужно, – прервал меня на полуслове отец. – Устрой себе выходной. Отдохни, пройдишь по магазинам, сходи в салон красоты... ну или что там сейчас принято делать у вас, у молодёжи.

Невольно фыркнула. *Молодёжи*. Через пару лет папе исполнится пятьдесят, не так уж и много, особенно если учитывать, что и внешне он выглядел на десяток лет моложе. Новые знакомые редко видели в нас отца и дочь. Временами даже курьёзы случались. Помнится, пару лет назад какая-то дальняя Олина знакомая позвонила ей, доложив, что видела папку в ресторане в сопровождении малолетней любовницы. Стоит ли уточнять, что ресторан был наш, а в роли любовницы – я? Между прочим, не такой уж и малолетней.

– Не рановато ли ты себя в старики записал?

– К словам не придирайся. Я просто хочу, чтобы ты немного отдохнула.

– Завтра суббота, – заметила со скепсисом.

– Тем лучше, начни её сегодня.

– Па, – поморщилась, – у меня дел выше крыши. Телефон и почта от сообщений разрываются, – пылко перечисляла я, хотя, судя по выражению лица родителя, воспринимать мои доводы всерьёз никто не планировал. – Да в конце-то концов, – всплеснула руками, – ты же потом первый с меня всё это и спросишь.

– Думаю, что с самим собой я уж сумею договориться, – хитро улыбнулся папа. После чего уже более серьёзно заметил: – Кир, в последнее время ты меня пугаешь. После вашего расставания с Борисом ты только и делаешь, что работаешь...

– Это всё потому, что начальник у меня – деспот, – попыталась отшутиться, но папа не клюнул. Ещё более строго глянул на меня. Пришлось покаяться, хотя бы для проформы: – Мне нужно было на что-то отвлечься. Имею право.

– Имеешь, – понимающе кивнул он. – Да только уже практически год прошёл, а ты всё так же продолжаешь впахивать за десятерых.

– Заметь, нам это даже на руку...